

УДК [316.7:93/94]:821.161.3

АЛЕНЬКОВА Ю.В.

ПОЭЗИЯ А.А. КУЛЕШОВА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ

Аленькова Ю. В.

доцент кафедры философии МГУ имени А.А. Кулешова,
канд.культурологии, доцент
г. Могилев, Беларусь

В 2019 году белорусская общественность отметила 105-летие со дня рождения Народного поэта БССР А.А. Кулешова. Литература всегда была важнейшим средством воздействия на массовое сознание, она формировала и формирует то чувство, которое сегодня ученые называют национальной идентичностью.

Чествуя память поэта, мы не просто отдаем дань уважения его таланту, но и выражаем сопричастность к идеям и смыслам, которыми наполнено его творчество. Поддержание подобной юбилейной традиции, в свою очередь, также формирует историческую память нашего народа.

А. Бахаревич отмечал: «Стихи Кулешова вошли не только в дом к каждому белорусу, они и на дачу к нему пробрались, они вошли в его генетический код, они действительно живут в народной памяти» [3]. «Народная память» – понятие, не имеющее четкой концептуализации. Его синонимом могут выступать понятия «культурная память», «историческая память», разработка которых ведется в рамках исследовательского направления *memory studies* (где до сих пор сложно провести демаркационную линию между культурной и исторической памятью) [1].

Исследования в области *memory studies* утверждают, что историческая память (как форма коллективной памяти) – это определенный *конструкт*, то есть те особые формы «присутствия прошлого» в настоящем, которые формируются и живут в рамках социальных институтов (школа, религия, класс, семья) [7]. Немецкий историк Ян Ассман интерпретировал понятие «культурная память» как механизм трансляции основных смыслов, создающих целостность той или иной цивилизации, отмечая, что для культурной памяти важна «не фактическая, а восстановленная в воспоминании история» [2, с. 54-55]. Культурная память закрепляется в практиках ритуальной коммуникации и нуждается в носителях особого рода: шаманах, бардах, жрецах, учителях, художниках, писателях, ученых и др. [2, с. 56].

Поэт А. Кулешов словно чувствует себя таким «бардом», транслятором смыслов. Не случайно в его стихах это слово встречается достаточно часто:

*Не старадаўні бард, але ўсё роўна
Якогась барда праўнук альбо ўнук...*

Однако в отличие от старинных бардов, которых привлекает «аромат старосветчины», Кулешов – певец эпохи своего настоящего. Он говорит от имени того поколения, которое сформировалось в годы становления советской власти, пережило Великую Отечественную войну. Прошлое, к которому обращается поэт, чаще всего укладывается в рамки его собственной биографии. К далекому историческому прошлому А. Кулешов обращается редко (исключение составляет поэма «Хамутиус», посвященная К. Калиновскому).

В роли «барда», формирующего историческую память белорусского народа, А. Кулешов ярче всего проявил себя в поэзии военного времени. Память о Великой Отечественной войне для белорусов является важнейшим маркером национальной идентичности, и роль поэзии Кулешова в формировании исторической памяти белорусов неоспорима.

Война – судьбоносное событие в поэзии А. Кулешова. Пережитый личный опыт здесь сочетается с воплощением особенностей коллективной психологии того времени. Возможно, поэтому произведения, написанные в годы войны, сейчас воспринимаются нами неоднозначно. Максимализм «морального кодекса строителя коммунизма» выражается в поступках героев, сложных для восприятия сегодняшнего времени, но понятных в рамках массовой идеологии сороковых годов. Коммунистическая мораль утверждала приоритет гражданского долга над личными чувствами – и родительский долг батеньки Миная в «Балладе о четырех заложниках» отступает на второй план по отношению к долгу воина, партизана, цена чему – смерть его четырех детей. Как оценить поступок отца с точки зрения общечеловеческих ценностей?..

Поэма «Знамя бригады» словно соткана из противоречий. Бойцы, выходящие из окружения, приговаривают к смерти своего товарища, вынося приговор без суда и следствия. Он никого не убил, не перешел линию фронта, просто усомнился в исходе войны, захотел обрести чувство дома и тепла – и за это заплатил жизнью (копает себе могилу, как в сериалах о «лихих девяностых»). Но эти же бойцы встречают пятилетнего голодного мальчика Василька, отдают ему свой хлеб из НЗ, и, видя неподдельную радость малыша, пронзительно и проникновенно оплакивают его опаленное войной детство...

*Я аддаў яму хлеб
І вось
Стаў за дуб шумлівы
і гляджу, як бяжыць да калёс
Хлопчык з хлебам.
Шчаслівы...
Поўны радасці, поўны прыгод,
Ён бяжыць да фурманкі,
Быццам хопіць на цэлы год
Ім тае паўбуханкі.
Мне здаваўся даўгім яго шлях,
Босы, бег ён праз ямы,*

*Па халоднай зямлі,
на лістах
І на сэрцы маім
Таксама.*

Эта амбивалентность смыслов, поступков и чувств – часть нашего исторического прошлого, с его драматизмом и трагизмом. Первые месяцы войны, страх, растерянность, господствующие в сознании идеологические установки... Но сквозь эти «объективные обстоятельства» прорывается, как росток сквозь окаменевшую землю, субъективное, человеческое: «*І на сэрцы маім / Таксама...*».

Исследователи в области memory studies утверждают, что наша индивидуальная память имеет социокультурную обусловленность. Социальная среда создает референтные рамки для индивидуальной памяти, которая без них существовать не может, поскольку они ограничивают и упорядочивают индивидуальные воспоминания в пространстве и времени. Стихи и поэмы, написанные в разные периоды творчества А. Кулешова, свидетельствуют, как действуют эти референтные рамки. В этом смысле показательным является произведение «Монолог», посвященное памяти друзей-поэтов Дмитрия Астапенко и Юлиа Тавбина, ставших жертвами эпохи «беспощадных судов». Произведение написано после XX съезда КПСС, который изменил общественное сознание и индивидуальное восприятие событий истории.

*Калі і дзе, я ўдакладняць не стану
Таго, што больш не выклікае прэж,
Бесчалавечнасць выпаліла рану
На часе тым, што адышоў навек.
А забыццё, каб сцэрці з нешматолоўнай
Зямлі бесчалавечную віну,
Схавала месца смерці безназоўнай
Пад дываном, сатканым з дзірвану*

В этом произведении поэтически обозначается проблема, которая в 80-х годах XX века выплывет в масштабный исследовательский проект «Места Памяти», возглавляемый французским историком Пьером Нора. «Место смерти безымянной» усугубляет человеческую вину перед погибшими... Ученые отмечали важность ассоциации событий с определенным местом. Эти места – «бастионы памяти». Они же – основа национальной идентичности. Но Памяти всегда сопутствует контрпамять, которая скрывает события истории, зачастую неудобные для официальных версий. Таким образом, места памяти становятся способом преодоления забвения. В «Монологе» А. Кулешов словно пытается отыскать место материальной локализации памяти о погибших поэтах, и, не найдя его, предлагает считать местом памяти их книги.

Жизненный путь А. Кулешова охватывал сложные этапы истории страны, в которой он формировался как поэт и личность. Тема памяти все чаще всплывает в его поздних произведениях. Сквозь призму опыта зрелого человека он переосмысливает прошлое, как в поэме «Далеко до океана», где память возвращает его в места юности – в «край криничный, край Могилевский». Читая поэму, мы воссоздаем вслед за А. Кулешовым образы из жизни белорусского народа первых десятилетий советской власти. Но тем самым мы не проводим исторического исследования. Кулешовская реконструкция прошлого – это «живая память о летах давних». Здесь важно обратиться к выделенному Пьером Нора различию между памятью и историей: «Память – это всегда актуальный феномен, связь с вечным, которая *реально переживается*. История же – это репрезентация прошлого» [6, с. 19]. Переживая прошлое, поэт призывает пройти с ним не по следам исторических событий, а по следам Памяти, которая их воскрешает, эмоционально оценивает эти события, наделяя смыслом его прошлое.

А. Кулешов формирует нашу историческую память тем, что воплощает противоречия своего времени. Он и сам – часть нашей памяти: поэт, выражавший желание, чтобы назывались «коммунистами все люди на земле», создавший незабываемый образ стойкого юноши, погибшего на морозе под ледяной водой, но не отказавшегося от комсомольского билета, и в то же время поэт, умеющий передавать тончайшие оттенки человеческих чувств, которые вне идеологии... Поэт призывает «стучать в двери истории». И этот призыв осуществляется благодаря труду Памяти, памяти о пережитых драматических событиях, памяти поколений, от имени которых поэт «бард» Кулешов.

*Люд катаваны! Жыцця ўладаром
Стань на планеце! Зямлі кулаком,
З цеснай яе тэрыторыі
Грукай у дзверы гісторыі!
Грукай у дзверы гісторыі!*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аленькова, Ю. В. Культурная память и проблемы культурной идентичности / Ю. В. Аленькова // Копытинские чтения – I, II : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общ. ред. М. И. Матюшевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 114-116.
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Бахарэвіч, А. Таемны сшытак [Электронный ресурс] / А. Бахарэвіч. – Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/24569076.html>. – Дата доступа 10.04.2019.
4. Куляшоў, А. Далёка да акіяна. Паэма / А. Куляшоў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1972. – 224 с.
5. Куляшоў, А. Маналог. Вершы. Паэмы / А. Куляшоў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – 184 с.
6. Франция-память / П. Нора, [и др.] / Пер. с фр.: Д. Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. – с. 17-50.
7. Хальбавкс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хльбавкс // Не-прикосновенный запас. – 2005. – №2-3 (40-41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> – Дата доступа: 19.12.2017.